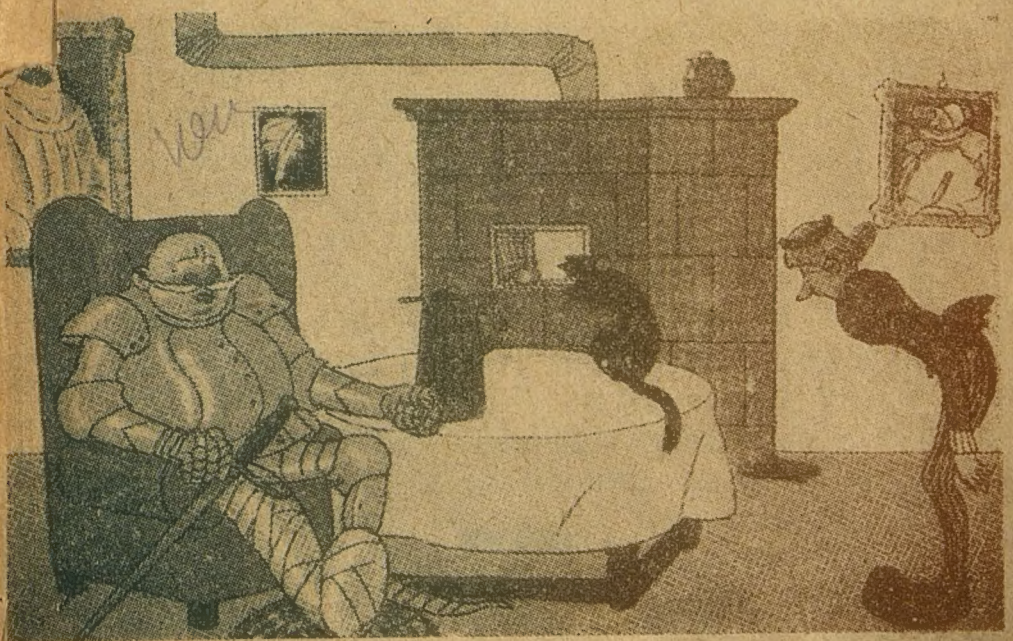
4 9196
XV — № 146
ЛБ10
6121

НѢМЕЦЪ



Бриш. III 12.
Л510 612

НѢМЕЦЪ.

МОСКВА.
1914.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
672759

Итакъ, Михель, ты всерьезъ собрался воевать съ Россіей. Рѣшился отъ звонкихъ фразъ, замаскированныхъ угрозъ, позированія перейти къ дѣлу. Рѣшился-таки... Откуда тебѣ сіе?

Вотъ ужъ второй мѣсяцъ какъ идетъ война, а этотъ шагъ Германіи не перестаетъ удивлять міръ. Нѣмецъ можетъ, если хочетъ, гордиться своей арміей, вѣрнѣе — ея прошлымъ. Сорокъ четыре года назадъ она побила французовъ, сорокъ восемь лѣтъ назадъ—теперешнихъ союзниковъ своихъ, австрійцевъ. Но онъ вѣдь бросилъ вызовъ величайшей арміи міра, въ прошломъ которой Шипка, Бородино, Лейпцигъ, Полтава... арміи, которая разгромила пруссаковъ подъ Кунерсдорфомъ и гораздо ранѣе нѣмцевъ побывала побѣдоносно въ Парижѣ.

Нѣмецъ не могъ не знать, что Франція насъ не покинетъ, что Англія доведена до крайней степени раздраженія нѣмецкими стараніями «подставить ей ножку» на морѣ. Зналъ и долженъ былъ учитывать, что австрійская армія не надежна для войны съ славянской страной, что Италія колеблется. Зналъ и долженъ былъ учитывать, но вотъ не учелъ. Мало того,—попутно не подумалъ и церемониться съ Бельгіей, забросалъ минами территоріальныя воды Даніи вообще, повелъ себя такъ, словно для него одного на всемъ свѣтѣ солнышко свѣтитъ на небѣ. А вѣдь мы всегда думали: нѣмецъ—о, это штука тонкая...

это сама практичность, аккуратность, онъ все во-время сдѣлаетъ и все разочтетъ, семь разъ отмѣряетъ, разъ отрѣжетъ. И вотъ, поди-жъ ты... Откуда это непонятное ослѣпленіе? Или нѣмца намъ подмѣнили?.. Нѣтъ. Дѣло въ томъ, что мы сами, въ своемъ представленіи, незамѣтно отошли отъ того нѣмца, какой онъ есть въ дѣйствительности. Мы стали видѣть нѣмца не такимъ, какой онъ есть сейчасъ, а какимъ хочетъ казаться. Какимъ онъ представляется себѣ, въ собственныхъ глазахъ. Представляется, но не есть на самомъ дѣлѣ. Потомъ послѣднія десятилѣтія безусловно измѣнили нѣмецкое духовное обличіе. Отсюда и общее недоумѣніе.

Такъ что-жъ такое, современный нѣмецъ? Нѣмецъ, вѣрноподданный императора Вильгельма II-го, вызвавшій дерзновенно на бой полміра? Попробуемъ въ нѣсколькихъ словахъ охарактеризовать нашего героя, сто лѣтъ тому назадъ униженнаго, придавленнаго, съ трудомъ, опираясь на русскую руку, выцарапывавшагося изъ-подъ гнета Наполеона, а теперь мечтающаго о гегемоніи надъ вселенной.

I.

Мы уже вскользь упомянули объ «общепринятомъ» нѣмцѣ. Труженикъ, аккуратный, педантъ. Всѣ дни года, каждый часъ дня у него распредѣлены. Чистый листъ наступающаго дня у него съ утра разлиневанъ, разбитъ на клѣточки. Тогда-то то-то, столько-то этого. Ровно въ 10—служба, контора, пришелъ ни позже, ни раньше; ровно въ четыре ушелъ. По дорогѣ дѣловой визитъ—на полчаса, ни минуты больше... Въ пять за столомъ. Отъ такого-то до такого-то часа вечернія занятія. Затѣмъ отдыхъ—излюбленная биргалка. Безконечные разговоры о политикѣ. Но не позднѣе, скажемъ, одиннадцатаго. Herr Гельбке боится разстроить здоровье, ослабить трудоспособность. Четыре кружки пива вечеромъ, двѣ сигары послѣ обѣда. Лишнюю—ни за что... Разстроится бюджетъ. Въ трудѣ нѣмецъ добросовѣстно кропотливъ, какой-то часовыхъ дѣлъ мастеръ. Любитъ заваливать рынки посредственнаго качества дешевкой, но самъ всему знаетъ цѣну и на дешевку не бросается. Не лишенъ изобрѣтательности и даже очень.

Выдумалъ цеппелинъ и оспариваетъ у англичанина честь изобрѣтенія обезьяны.

Въ общественной жизни не гонится за большими свободами, идеалъ—имѣть возможность спо-

койно работать. Въ семейной жизни все расписано по ранжиру: такой Гельбке или Аффе не женится ранѣе, чѣмъ не накопитъ суммы, нужной на приличненькое обзаведеньице, невѣсту выберетъ подумавши, дѣтей пускай будетъ двое, больше—unmöglik... по бюджетнымъ соображеніямъ. Нѣмецъ, кромѣ обезьяны, выдумалъ zweikindersistem.

Таковъ нѣмецъ «общепринятый», т.-е. какимъ мы его себѣ привыкли представлять, да какимъ онъ, кажется, былъ и въ дѣйствительности въ доброе старое время. Знакомая фигура. Себѣ на умѣ, съ налетомъ напускного добродушія и сознаніемъ собственнаго достоинства, но безъ подчеркиванія, безъ заносчивости. Отнюдь. Коммерсантъ, дѣлецъ, музыкантъ, поэтъ, ученый, все, что хотите, но только не военный, не воинъ.

Онъ скорѣе сантименталенъ, этотъ намъ знакомый нѣмецъ, въ молодости не прочь помечтать вмѣстѣ съ Мелитой фонъ-Беккеръ о «голубомъ цвѣткѣ любви», вообще поинтересничать въ духѣ Шпильгагена. Реальность жизни для него страшна: онъ «между молотомъ и наковальней». Herr Гельбке и въ годахъ любитъ цвѣты, ланнеровскій вальсъ. Его ночныя туфли должны быть красиво расшиты бисеромъ и непремѣнно рукой «моей Амаліи». Его трудно представить съ ружьемъ, развѣ только на охотѣ. Безсмертный «другъ Фрицъ» Шатріана ѣздилъ два раза въ годъ на охоту, значитъ, брался за ружье, хотя охота велась больше по бутылкамъ. Но кто можетъ себѣ представить этого почтеннаго обывателя какого-нибудь

Мюльгаузена въ колетѣ и каскѣ кирасира и вмѣсто—

«Розетта, полюби, не то помру...
Помру-у, пом-ру-уу»,

распѣвающимъ о «стражѣ на Рейнѣ»?.

Откуда же взялась эта воинственная самоувѣренность, это преклоненіе передъ воинской силой,

Стража на Рейнѣ.

это напыщенное солдафонство, эта жестокость, которая такъ не вяжется съ ланнеровскими вальсами и шитыми гарусомъ туфлями? Herr'у Гельбке и другу Фрицу дѣлала прививку,—и скверную,—послѣдняя франко-прусская война. Что прививка была сдѣлана—мы это знали всѣ, но не знали и не ожидали, что она такъ сильно подѣйствуетъ.

II.

«Германія создана желѣзомъ и кровью»,—любилъ выражаться Herr Бисмаркъ. И не менѣе—дипломатическими ходами, политическимъ коварствомъ и подвохами,—это онъ забывалъ прибавить, но какъ бы то ни было, а Михелю пришлось повоевать, пока онъ не почувствовалъ себя германцемъ въ собственномъ смыслѣ слова. Вѣдь какихъ-нибудь 50 лѣтъ тому назадъ никакой Германской имперіи и не было, а было собраніе изъ восьмидесяти отдѣльныхъ владѣній и владѣньицъ, управлявшихся каждое своимъ корольком, князькомъ или герцогомъ, причемъ каждый былъ вполнѣ самостоятеленъ. «Союзъ германскій» существовалъ больше на бумагѣ, и каждый такой князь Саксенъ-Мейнингенскій или изъ Рейсовъ старшей линіи (какъ звучитъ-то!), владѣнія котораго можно было пройти пѣшкомъ въ два часа не особо спѣшнаго хода, издавалъ законы, держалъ «армію», рѣшалъ вопросы о войнѣ или мирѣ. Пруссія,—наибольшее владѣніе среди этого диковиннаго остатка феодальной старины,—занялась «собираніемъ земли» германской. Нашлись люди, благодаря общей распущенности, мечтательности и безволію оказавшіе чрезвычайно сильное вліяніе на окружающую среду: Вильгельмъ, король прусскій, и умѣло выбранный имъ во главѣ правленія Бисмаркъ. Пруссія «собираніе» начала съ того, что отняла у маленькой Даніи провинціи Шлезвигъ-Гольштейнъ. При этомъ было поступлено очень политично. Пруссія вовлекла для вѣрности дѣла и

Австро-Венгрію въ войну. Подѣлимся, молъ, добычей. Бисмаркъ держалъ камень за пазухой. Черезъ два года онъ бросилъ прусскіе полки и на Австрію, на этотъ разъ уже въ союзѣ съ Италіей. Австрія, раздираемая и тогда внутренними неладами, была безъ труда побита. Прусскій Михель сразу выросъ «въ большіе забіяки». Пруссія не постѣснялась присоединить къ себѣ нѣсколько болѣе мелкихъ германскихъ государствицъ, осмѣлившихся быть заодно съ Австріей; болѣе крупные поспѣшили войти съ ней въ возможно тѣсный союзъ.

По ту сторону Рейна начинались цвѣтущія владѣнія прекрасной Франціи. Снаружи все тамъ было блестяще, изнутри государственное зданіе трещало по всѣмъ швамъ. Въ Берлинѣ это быстро разнюхали. Вообще нѣмецкому Михелю сказали: Тутъ много чего плохо лежитъ. Идемъ и возьмемъ.

Исторія франко-германской войны 1870 года общеизвѣстна. Недовѣріе широкихъ круговъ общества къ правленію страны, узурпатору Наполеону III-му, общая продажность, распущенность, лѣнь. Полнѣйшее нежеланіе съ чѣмъ-нибудь считаться, какъ-нибудь учитывать событія, непоколебимая вѣра въ собственное могущество, презрѣніе къ врагу... Ореолъ воинской славы, окружающій армію французовъ, еще болѣе толкалъ ихъ на роковой путь. Михель все учелъ. Рѣшился или, вѣрнѣе, за него рѣшили въ Берлинѣ. Подготовился до нитки, не переставая разсыпаться въ завѣреніяхъ дружелюбія и льстивыхъ «куда намъ». Затѣмъ поймалъ мало-мальски приличный пред-

логъ для разрыва и пошелъ ломить. И изумленный міръ увидѣлъ воинственную рыцарственную, гордую недавно Францію подъ тяжелой пятой нѣмецкаго бюргера, довольно прочно освоившагося съ своей новой ролью солдата. Со своимъ кивеpомъ и Дрейзе.

III.

Михель побѣдилъ французовъ. Михель «объединился»: подъ стѣнами осажденнаго Парижа было провозглашено объединеніе отдѣльныхъ государствъ и государствицъ въ Германскую имперію подъ скипетромъ Вильгельма I-го. Теперь Михель изъ эльзасца, баденца, саксенъ-мейнингенца обратился въ германца, члена единой «великой» націи, каковое «величіе», онъ поспѣшилъ провозгласить для свѣдѣнія всего свѣта, дабы убѣдить инако мыслящихъ и сомнѣвающихся. Михель разбогатѣлъ, «счистилъ» съ Франціи пять милліардовъ контрибуціи. А на сколько награбилъ—это не поддается учету. Во франко-прусскую войну нѣмцы дѣйствовали какъ и теперь въ нашемъ Калишѣ или Ченстоховѣ: отнимали деньги у частныхъ лицъ, забирали все, что поцѣннѣе, что только можно было унести, и возами отправляли на родину. Въ спальнѣ голубоглазой Лотхенъ, терпѣливо и добродѣтельно дожидающейся своего воина, привычную дерюгу замѣнилъ гобеленъ; почти на каждомъ нѣмецкомъ каминѣ появился севрскій фарфоръ, бронза, за столомъ—тонкія французскія вина, французскія сигары.

Нѣмецъ быстро, что называется, «отлопалея». Еще бы—явилась полная возможность, за счетъ побѣжденныхъ съѣдать двойную порцію сосисокъ или колбасы съ кислой капустой, выпивать тройную порцію пива. Какъ человѣкъ аккуратный и практичный, онъ французскіе картины, сервизы и гобелены сбылъ, а французскія денежки не пропилъ, не проѣлъ до-чиста, а пустилъ въ оборотъ. Германія въ короткій срокъ покрылась фабриками и заводами, Михель сталъ забрасывать иностранные рынки массой дешевой дряни, конкурентамъ скоро пришлось туго — билъ цѣной. О болѣе легкомъ и надежномъ сбытѣ этого добра позаботились въ Берлинѣ: обзавелись коммерческимъ флотомъ и колоніями, захватили обширныя земли въ Африкѣ, принудительно «зааренловали» у китайцевъ важный портъ Кіао-чао. Такимъ путемъ были найдены невзыскательные и подневольные потребители. «Дружба» съ Турціей обезпечила заказами Михеля надолго. Михель въ политикѣ сталъ играть чуть-что не первенствующую роль. Въ 1877 году онъ принудилъ насъ отказаться отъ плодовъ побѣдъ надъ турками, въ то же время подстроилъ для Австріи Боснію и Герцеговину. Михель сталъ понимать о себѣ очень много. Обнаглѣлъ. И понемногу началъ показывать свое новое лицо.

IV.

Нѣмецъ надумалъ прежде всего, что онъ—непобѣдимъ. Какъ же можно? Онъ разбилъ фран-

цузовъ, чьи знамена овѣяны славой неслыханныхъ наполеоновскихъ побѣдъ. Нѣмецъ мало того, что побѣдилъ, но быстрый и головокружительный успѣхъ внушилъ ему презрѣніе къ нѣкогда грозному сосѣду. Онъ рѣшилъ, что такъ будетъ всегда и дальше, что иначе и быть не должно. «Наша армія лучше французской, и французы настолько хорошо это сами сознаютъ, что и не подумаютъ какъ-нибудь иначе съ нами воевать, если не обороняться. Намъ (нѣмцамъ) нечего и думать о возможности наступательныхъ дѣйствій со стороны французской арміи, а только о томъ, какъ скорѣе сломить ее сопротивленіе»,—пишетъ серьезный германскій спеціалистъ по военному дѣлу баронъ Остенъ-Сакенъ-Гейнъ.

Итакъ, Франція въ пренебреженіи; Италія, Австрія—союзники. Кто же страшенъ Михелю на континентѣ? Россія? Это такъ было до японско-русской войны. Но результаты войны преисполнили Михеля восторгомъ и совершенно успокоили его и на нашъ счетъ. Какъ рѣзко критиковала нѣмецкая литература наши дѣйствія, какъ подчеркивала наши ошибки и слабыя мѣста, какъ закрывала глаза на всякія объясненія и оправданія... Такія книги, какъ популярнаго въ Германіи Теттау «Куропаткинъ и его помощники», даютъ о нашей арміи картину мрака безпросвѣтнаго.

Притомъ, если армія Россіи—величайшая въ мірѣ, хотя бы по численности, за нимъ, Михелемъ, наука; обезьяну выдумалъ, онъ же выдумалъ и науку стратегіи, вѣрнѣе—поставилъ ее у себя на какую-то небывалую высоту. Ключи военной

премудрости въ Берлинѣ и только въ Берлинѣ, въ кабинетѣ генеральнаго штаба нѣмецкой арміи.

Цѣлое поколѣніе выросло въ ореолѣ этой «непобѣдимости».

Какъ прямое послѣдствіе получился культъ арміи: она, т.-е. армія, возвеличила Михеля и потому стала для него святыней. Все военное въ глазахъ нѣкогда мирнаго нѣмца получило необыкновенно большое значеніе. И нѣмецъ стремительно перешагнулъ необходимую тутъ грань. Прекрасно уважать свою армію. Нація, неспособная къ такому чувству, обречена на униженія. Но у нѣмца восторгъ передъ воинской силой фатерланда вылился въ форму ненормальную и каррикатурную. Получился какой-то психозъ передъ саблей, каской, штыкомъ въ то же время безъ истиннаго внутренняго содержанія, которое только и даетъ цѣну воинскому чувству. Военное сословіе вознесено было нѣмцемъ на небывалую никогда и нигдѣ на свѣтѣ высоту, какъ какая-то особая каста, неизмѣримо высшая окружающей среды. Надутое сомнѣніе, грубая самонадѣянность, вскружившая голову нѣмецкаго лейтенанта, нѣмецкаго бюргера нисколько не шокировала. Не обижало его и то, что этотъ лейтенантъ началъ и къ нему, бюргеру, не военному, «штафиркѣ», относиться снисходительно, свысока. Бюргеръ продолжалъ баловать его, давать въ кредитъ на условіяхъ, на которыхъ не повѣрилъ бы своему брату, такому же бюргеру, и пфеннига. Породниться съ военнымъ стало честью. Когда гдѣнибудь, скажемъ, въ Берлинѣ, по Унтеръ-денъ-

Михель прежде,

Михель теперь.

Линденъ, проходитъ съ музыкой войсковая часть, вся огромная толпа народа «выстраивается», дѣла забыты и долго энергично въ ногу и тактъ музыкѣ маршируютъ всѣ—и мальчишка, и шестидесятилѣтній негоціантъ съ брюшкомъ. Дальше идти, кажется, уже некуда. Я разбилъ французовъ при Гравелоттѣ. Я устроилъ имъ Седанъ, взялъ въ плѣнъ французскаго императора. Я все могу на войнѣ. Какъ это хорошо и складно думается подъ бодрящіе вызывающіе звуки марша, да еще особенно при изрядной порціи пивного хмѣля въ головѣ.

Но отъ преклоненія передъ воинской силой, отъ возлагательства на нее исключительныхъ упованій одинъ шагъ до преклоненія передъ грубой силой вообще. Германія можетъ все, потому что могучая ея военная сила. Значитъ, я, нѣмецъ, могу достигнуть всего, потому что за моей спиной стоитъ могучая воинская сила. Не въ силу права могу, а просто потому, что силенъ. А это очень выгодно и удобно. Такимъ образомъ создался пресловутый культъ «бронированнаго кулака».

V.

Далѣе. Нѣмецъ не могъ не видѣть, что его патріотизмъ, увлеченіе воинской мощью «фатерланда», находится въ самомъ пріятномъ соотношеніи съ пользою кармана. Онъ, правда, кряхтѣлъ, выплачивая все большій и большій налогъ на вооруженія, зато видѣлъ, напримѣръ, какъ Турція бросилась въ его объятія, ища поддержки

«бронированнаго кулака» Германіи. Сидя вечеромъ въ пивной, «новый» Михель уже подсчитывалъ, сколько барыша ему дадутъ турецкіе заказы на пушки, паровозы и пр., хотя сданныя зачастую въ кредитъ, но за растовщическіе проценты и подъ надежное обезпеченіе. Результатъ вычисленій былъ неизмѣненъ: онъ могъ съ полнымъ правомъ заказать прислуживавшей деб лой Гретхенъ или Лотхенъ лишнюю порцію сосисокъ и свѣжую кружку пива. А все это благополучіе проистекало изъ того, что турокъ заискивалъ въ вооруженной Германіи, цѣплялся за нее изъ страха Россіи и балканскихъ славянъ. Тотъ же страхъ нѣмецкаго вооруженнаго величія принудилъ Францію перенести агадирское униженіе. Ноh!.. Какъ играетъ самолюбіе! Еще кружку по этому поводу!.. А потомъ Франціи пришлось поступиться частью своихъ африканскихъ колоній; это же прямой барышъ. Вѣрная копѣйка для Фрица, Ганса, Отто, которые замѣнятъ тамъ французовъ и найдутъ выгодное приложеніе для своей предпріимчивости. Подходилъ чередъ возобновить таможенный договоръ съ Россіей, и зубы разгарались—нельзя ли «понажать» какъ съ французами въ Агадирѣ, пошумѣть и добиться льготъ и уступокъ. Чтобъ и русскій ячмень для прокормленія столь дорогой сердцу истаго нѣмца свиньи оплачивался пошлиной подешевле... И тому подобное.

Однимъ словомъ,—горизонты широкіе. Да и съ Франціи «взято» мало. Народъ богатый. Нельзя ли еще? Уповай только больше на своего солдата и своего кайзера Вильгельма...

VI.

Вотъ одинъ изъ главныхъ виновниковъ, что нѣмецъ сталъ такимъ, какимъ мы его сейчасъ видимъ. Да, это ихъ прославленный кайзеръ.

Человѣкъ отъ природы ораторъ и охотникъ поговорить, весьма, хотя и поверхностно разностороній, доступный и вмѣстѣ съ симъ полный напыщеннаго величія, Вильгельмъ II «объѣздилъ Европу», затѣмъ неутомимо появлялся то тутъ, то тамъ по своей обширной имперіи и говорилъ, говорилъ, говорилъ... Говорилъ при закладкѣ памятника, спускѣ на воду дредноута, пріемѣ посла, депутаціи, на юбилеѣ завода Круппа и пр., и пр. Кажется, ни одно городское событіе въ Берлинѣ не обходилось безъ рѣчи императора. Своеобразную популярность онъ снискалъ себѣ во всемъ мірѣ, а въ широкихъ массахъ своихъ подданныхъ —обожаніе. Что же Вильгельмъ II провозглашалъ передъ своимъ народомъ?

Вильгельмъ поучалъ его, что нѣмцы—избранная нація, какіе-то современные іудеи, что имъ принадлежитъ будущее и міръ. Славянство, напримѣръ, это всего только навозъ, который своими соками долженъ напоить корни германской расы въ ея ростѣ и развитіи.

Какая теперь нація дерзнетъ нарушить миръ, то ей такъ попадетъ, что она и сто лѣтъ не забудетъ...—это было сказано на открытіи памятника Мольтке. Нѣмцы ахнули отъ восторга... Рѣчь, сказанная передъ памятникомъ побѣдителя Франціи, это была недвусмысленная угроза по ад-

ресу той же Франціи—да не воображаетъ она, что сможетъ вернуть когда-нибудь отнятое у нея Германіей въ 70-мъ году. Будущее Германіи на моряхъ,—сказалъ Вильгельмъ и этимъ открылъ своимъ подданнымъ новую эру,—эру всесвѣтнаго распространенія своего авторитета, труда и капитала. Въ Германіи стало вамъ тѣсно, идите ближе къ солнцу.

Все наше... И такъ далѣе.

Вильгельмъ говорилъ, писалъ и слово у него не расходилось съ дѣломъ. Онъ вѣчно былъ настражѣ интересовъ сыновъ «фатерланда», вѣчно выискивалъ, гдѣ бы дать имъ возможность за чужой счетъ пополнить свой кошелекъ. Какъ мы уже упоминали выше, политическіе громы изъ Берлина имѣли подъ собой неизмѣнно коммерческую подкладку. Легко себѣ представить, какъ его слова, мысли, да еще выраженныя довольно художественно, съ неизмѣннымъ пафосомъ, овѣянныя ореоломъ величества, дѣйствовали на массы! Какъ жужжали по каждому такому случаю пивныя отъ безконечныхъ политическихъ разговоровъ! Сколько разъ ппровозглашалось hoch въ честь кайзера! Какъ гордо тутъ себя чувствовалъ нѣмецъ. У него словно выросли крылья. Всѣ его боятся. Весь міръ для него. И сколько требовалось кружекъ крѣпкаго пива для поддержанія настроенія на должной высотѣ!..

VII.

Ахъ, это пиво!.. Мы извиняемся, что къ пиву возвращаемся чуть не въ десятый разъ. Но развѣ

наша вина въ этомъ? Кружка пива не есть карикатурное украшеніе нѣмца, а дѣйствительность. Нѣмецъ немыслимъ безъ пива. Оно обусловливаетъ чуть не всю его жизнь. Нѣмецъ истинный пьетъ его цѣлый день. За пивомъ отдыхаетъ, пивомъ подкрѣпляется, пивомъ запиваетъ обѣдъ, философствуетъ и фантазируетъ за пивомъ. Вѣчное употребленіе пива вырыло глубокія борозды въ національномъ характерѣ нѣмца. Въ то время, какъ легкое вино, принятое у француза-сосѣда, веселитъ и оживляетъ умъ, пиво отягчаетъ человѣка, дѣлаетъ его угрюмымъ и злымъ, даетъ грезы, мрачныя и фантастическія. Грезы Гофмана, этотъ бредъ больного воображенія, иногда яркій, колоритный, но преимущественно болѣзненно-страшный, навѣяны пивомъ. Свои «Сказки» онъ придумалъ въ закоптѣлой пивнушкѣ, за кружкой, «Фалунпскіе рудники» намѣтились для него въ безконечныхъ клубахъ кнастера этой пивнушки. А современнаго нѣмца клонитъ къ грезамъ величія, истребленія. О... онъ видитъ себя преображеннымъ. Онъ разгромилъ Францію, Россію, онъ чувствуетъ порывъ къ разрушенію, слышитъ зовъ трубы и бой набата, видитъ пожаръ и славянъ, спасающихся бѣгствомъ отъ солдатъ «моего» кайзера.

Нѣмецъ вообще склоненъ помечтать, поэтизировать, легко даетъ себя увлечь фантазіи. Странно, но это фактъ, что живой, по первому впечатлѣнію легкомысленный французъ, гораздо практичнѣе, реальнѣе въ своихъ помыслахъ. Строго говоря, это неудивительно: вѣдь Германія дала

міру Гете, Гейне, Шпильгагена, Гофмана, но теперешняя нѣмецкая фантазія окрасилась въ иные цвѣта. Нѣмецъ современный мечтаетъ не о внутреннемъ самоопредѣленіи, не о Богѣ и вселенной, не о голубыхъ глазахъ Маргариты, а о вооруженныхъ погромахъ. И онъ остается поэтомъ въ душѣ, хотя въ его фантазіяхъ, какъ лучъ солнца въ кружкѣ съ пивомъ, смутно преломляется возвеличеніе фатерланда и кровавые расправы съ врагомъ съ горою жирныхъ колбасъ и прочей вкусной снѣди, которая въ конечномъ итогѣ доставитъ ему это возвеличеніе.

И эта черта нѣмецкаго характера, эта переложенная на современный ладъ нѣмецкая мечтательность, увлеченіе грезой, присущій нѣмцу порывъ къ погонѣ за чашей Грааля (увы!—теперь наизнанку...), несомнѣнно, сыграла видную роль въ его отчаянномъ рѣшеніи вызвать на бой половину вселенной.

VIII.

Печальную роль рѣчи кайзера сыграли и въ другомъ отношеніи. Порой онѣ призывали уже не къ побѣдѣ и одолѣнію, а къ поголовному истребленію врага и форменному человѣконенавистничеству. Вотъ рѣчь его солдатамъ, посланнымъ въ Китай усмирять возстаніе «большихъ кулаковъ», боксеровъ:

«Не берите плѣнныхъ, пусть тѣ, кто попадетъ въ ваши руки, погибнутъ. Какъ тысячу лѣтъ назадъ гунны при своемъ царѣ Атиллѣ, пріобрѣли

себѣ имя, которое еще теперь въ преданіяхъ напоминаетъ объ ихъ могуществѣ, такъ и. имя германца черезъ тысячу лѣтъ должно вспоминаться такъ, чтобъ никто болѣе не дерзнулъ косо взглянуть на нѣмца»...

Хорошенькая рѣчь!

«Съ помощью стараго милостиваго Бога мы доберемся-таки до шкуры врага»,—всего лишь на-дняхъ изрекъ передъ арміей кайзеръ... Призывъ скорѣе къ травлѣ дикаго звѣря, а не на побѣды. А какъ должны были подѣйствовать на воображеніе нѣмца солдата слѣдующіе стишки (у насъ они переведены прозой).

«Какъ море во время прилива бросается на прибрежныя скалы, такъ и вы бросайтесь на французовъ.

Разсѣйте по полямъ ихъ кости, пока отъ нихъ побѣлѣютъ всѣ поля. Бросьте рыбамъ тѣ трупы, которыхъ не станутъ есть лисицы и вороны; запрудите Рейнъ плотинами изъ труповъ убитыхъ вами враговъ. Преслѣдуйте ихъ какъ охотникъ волка, истребляйте ихъ. Исторія не спроситъ у васъ за все это отвѣта».

Это поразительное произведеніе пера, называется «Der Erbfreind» (наслѣдственный врагъ). Оно изъ сборника, изданнаго для солдатъ на случай войны съ Франціей. Такой сборникъ разсчитанъ на то, чтобы пробудить въ человѣкѣ дремлющаго звѣря и толкнуть его не на бранный подвигъ, а на истребленіе всего племени вражскаго, на подвиги гунновъ и татаръ. И на затемненнук

безъ того тупой самоувѣренностью и ненавистью голову нѣмецкаго солдата этотъ призывъ долженъ подѣйствовать какъ красный цвѣтъ на быка. Этотъ призывъ неизбѣжно влечетъ добиваніе раненыхъ, насилованіе женщинъ, разстрѣлы.

Впрочемъ, будемъ справедливы. Учить нѣмца человѣконенавистничеству особо было не надо. Въ немъ звѣрь проснулся еще въ 1870 году. Уже тутъ Михель опьянѣлъ отъ пролитой крови и отравился ею. Однимъ онъ вошелъ во Францію, другимъ вышелъ изъ нея, попробовавъ силы на разстрѣлахъ и всякаго рода насиліяхъ. Вспомните прусскаго офицера въ «Дуэли» Мопассана. Какъ торжествующій побѣдитель обходился съ побѣжденнымъ, какъ мучилъ француза, случайнаго сосѣда по вагону.

— Что это за мѣстность?

— Фарсбургъ.

— Я здѣсь убилъ двѣнадцать французовъ и взялъ въ плѣнъ больше ста человѣкъ. Я таскалъ ихъ тутъ за уши, этихъ проказниковъ-французовъ.

Онъ посмотрѣлъ наменно на Дюбюи, посмѣиваясь въ свою рыжую бороду.

— Если бы я былъ главнокомандующимъ, я взялъ бы и сжегъ Парижъ, всѣхъ его жителей убилъ. И Франціи болѣе не существовало бы.

Далѣе онъ посылаетъ почтеннаго французскаго буржуа за табакомъ.

— Вы не хотите исполнить моего порученія?

— Нѣтъ, сударь.

— Такъ я отрѣжу ваши усы и набью ими трубку.

И онъ поднесъ свою руку къ лицу француза.

У Мопассана дѣло кончается дуэлью. Но сынъ того прусскаго офицера пошелъ дальше. Онъ просто велѣлъ бы разстрѣлять ослушника или, выслушавъ отказъ, отдалъ бы распоряженіе:

Отрѣжьте ему злой языкъ...

IX.

Такъ постепенно нѣмецъ поднималъ голову, свирѣпѣлъ, наливался кровью, а мы не замѣчали этого. Одурѣлый отъ изобилія пива и кровяной колбасы, онъ все-же считалъ, что мало и мало.

Онъ превознесся въ мечтахъ: онъ—избранный, онъ—будущій господинъ міра. Чего жъ стѣсняться съ окружающими—скотами и глупцами? Въ частности къ презрѣнію къ Россіи и русскимъ, «русскимъ свиньямъ» (иного нѣтъ для насъ наименованія у Михеля), прибавилась и глубокая ненависть съ тѣхъ поръ, какъ онъ увидѣлъ, что воинская мощь нашей родины стала не по днямъ, а по часамъ возрождаться. Когда же онъ услышалъ, что мы заговорили не прежнимъ языкомъ и надежда на возобновленіе выгоднаго для него таможеннаго соглашенія потускнѣла, мы увидѣли вмѣсто Михеля разъяреннаго кабана. Послѣдніе покровы былой германской культуры слетѣли. Кабанъ поспѣшилъ найти предлогъ для вызова...

Что жъ? Мы не прочь.

И не мы одни. Съ Россіей встала чуть не вся

Европа, встала Японія, и, несомнѣнно, разъяреннаго Михеля скоро запрутъ въ клѣтку.

Но характерно здѣсь для нѣмца его «маніячество», его легкомысліе. Вѣдь такіе люди съ вѣсомъ и горячіе сторонники войны, какъ лейпцигскій профессоръ Лампрехтъ, указывалъ, что ежели Англія вмѣшается, Германія будетъ побѣждена и потеряетъ свои колоніи. И Михель самъ долженъ былъ это понимать, но фантазія—выше понятія. Она подсказала Михелю ни на чемъ не основанную надежду, что Англія не вмѣшается, что и она—врагъ ужъ не такой...

— Черезъ двадцать лѣтъ вся Европа будетъ въ нашихъ рукахъ, такъ какъ Пруссія сильнѣе всѣхъ, —завѣряетъ прусскій офицеръ у Мопассана.

— Я и мой старшій сообщникъ Богъ,—изрекаетъ кайзеръ.

Михели ему апплодируютъ.

«Deutschland, Deutschland uber alles». (Гдѣ отечество нѣмецкое?,—вотъ что они поютъ.

А на языкѣ современнаго нѣмца это значитъ:

Отечество нѣмца всюду, гдѣ ему захочется устроиться и гдѣ можно тепло и пріятно пожить. А ранѣе тутъ устроившіеся должны потѣснится и подставить спину.

Вотъ какъ нѣмецъ, выражаясь простонароднымъ языкомъ:

«Много о себѣ понимаетъ».

X.

Во всей этой любопытной исторіи представляется непонятнымъ лишь одно: нѣмецъ переродился,

—это ясно, почему переродился,—тоже болѣе или менѣе понятно, но какъ въ концѣ-концовъ мы этого во-время не замѣтили?

А между тѣмъ замѣтить или по крайней мѣрѣ понаблюсти кое-что было можно даже и намъ, скромнымъ обывателямъ Москвы.

Побывать на какомъ-нибудь ихнемъ коммершѣ, сирѣчь пивопитіи подъ политику и наоборотъ.

Есть въ Москвѣ, на Б. Дмитровкѣ, ресторанчикъ. Хоть русскій чистокровный владѣлецъ его, но чѣмъ-то умудрился привлечь въ свои «чертоги» сыновъ фатерланда. Можетъ быть, «Театральный» ресторанъ имъ напоминаетъ кабачокъ доктора Фауста?..

Вотъ гдѣ можно наблюдать нѣмца «на-распашку», нѣмца новаго, надменнаго, упитаннаго, самодовлѣющаго...

Именины кайзера. Въ «Театральномъ» стонъ стоитъ съ утра.

Нѣмцы тучные, огромные (тоже, небось, какіе-нибудь ландштурмы, ландверы), чуть не полсутокъ просиживали тутъ за столами и ѣли и пили. То и дѣло слышались: hoch Kaiser! Нѣмцы пѣли свою «Стражу на Рейнѣ» и гимнъ кайзеру. И мало-помалу смѣнялось ихъ обличіе. Не такъ давно снисходительно-благодушныя физіономіи становились свирѣпыми, глаза наливались кровью, голоса звучали хрипло и угрожающе.

Это не было только опьяненіе,—о нѣтъ!—или, по крайней мѣрѣ, ихъ пьянило не одно пиво. Видно, что имъ било въ голову что-то крѣпче пива и ликеру. Нѣмецъ распухалъ отъ гордости,

отъ своего кайзера, отъ презрѣнія къ окружающей русской средѣ.

Въ ихъ взорѣ читалось:

«Вы, русскія свиньи».

Какъ-то авторъ этихъ строкъ былъ въ такой день съ небезызвѣстнымъ въ Москвѣ газетнымъ работникомъ З. Внезапно З. поднялся.

— Пойду сейчасъ и ударю котораго-нибудь нѣмца...

— Да что вы, что они вамъ сдѣлали? Мирные негоціанты празднуютъ именины своего императора. Просто хорошіе патріоты...

— Нѣтъ, не «просто»...

З., кажется, былъ правъ. Wacht am Rein этихъ Вильгельмусовъ, Августусовъ звучалъ какъ открытый вызовъ, въ ихъ лицахъ, преображенныхъ, проглядывали необычайныя, тогда еще непонятныя черты.

Черты тучнаго нѣмецкаго ландверца, который въ Калишѣ интеллигентныхъ больныхъ заставлялъ работать на копяхъ, копалъ и отсылалъ въ фатерландъ нашъ картофель, хотѣлъ весь міръ увѣрить въ своихъ побѣдахъ, а тѣмъ временемъ трусливо разспрашивалъ:

— Ди козакенъ? Козакенъ... Нѣтъ ли тутъ поблизости казаковъ?

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книгоиздательство "ИНТЕГРАЛ"
СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ
Телефонъ 27-26

Цѣна 5 коп.

Книгоиздательство „ЧИТАТЕЛЬ".

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Газетно-книжная экспедиція, Москва, Глинищевскій пер., домъ 6.
Телефонъ 27-96.

Типографія Акц. О-ва „Московское Издательство", Б. Дмитровка, 26.